

На правах рукописи

ПИВОВАРОВА Илона Анатольевна

**ПОЭТИКА МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
А.А. КОНДРАТЬЕВА**

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южный федеральный университет».

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор
Ларионова Марина Ченгаровна.

Официальные оппоненты: *Гольденберг Аркадий Хаимович*, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», профессор кафедры литературы);

Кондратьева Виктория Викторовна, кандидат филологических наук (ФГБОУ ВПО «Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова», доцент кафедры литературы).

Ведущая организация — ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова».

Защита состоится 6 декабря 2013 г. в 14.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vspu.ru> 5 ноября 2013 г.

Автореферат разослан 6 ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Е. В. Брысина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Имя А.А. Кондратьева — писателя, поэта, историка литературы — с 1990-х гг. вошло в исследовательское поле литературоведческих работ, посвященных истории русской литературы начала XX в. Огромную роль в возвращении и осмыслении творческого наследия писателя-эмигранта сыграли В. Крейд, В.Н. Топоров, Р.Д. Тименчик. За последние годы интерес к личности и творчеству писателя значительно возрос, о чем свидетельствуют регулярно проводимые международные научные конференции «Кондратьевские чтения» (г. Ровно), по итогам которых изданы три сборника «Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации» (2008, 2010, 2012). Личности и творчеству А.А. Кондратьева посвящены три кандидатские диссертации: «Творчество А.А. Кондратьева 1899—1917 годов» Е.В. Шалашова (Череповец, 2004), «Мифопоэтика рассказов А.А. Кондратьева: сквозные архетипические мотивы и образы (сборники “Белый Козел”, “Улыбка Ашеры”» Н.В. Шинкаровой (Ульяновск, 2008), «Эволюция творчества А.А. Кондратьева от “Сатирессы” до романа “На берегах Ярыни”» Т.Н. Ворониной (Вологда, 2012).

С возвращением имени А.А. Кондратьева в историю русской литературы начала XX в. происходит осмысление его места и роли в историко-литературном процессе. Творческие искания Кондратьева связаны с явлением неомифологизма. Увлечение мифологией выразилось как в поэтическом, так и в прозаическом творчестве писателя. А.А. Кондратьев является автором двух прозаических сборников — сборника «мифологических рассказов» «Белый Козел» (1908) и «Улыбка Ашеры. Второй сборник рассказов» (1911) и двух романов — «мифологического романа» «Сатиресса» (1907) и «демонологического романа» «На берегах Ярыни» (1930).

Наиболее обстоятельным исследованием кондратьевской прозы является монография В.Н. Топорова «Неомифологизм в русской литературе начала XX века. Роман А.А. Кондратьева “На берегах Ярыни”» (1990). Отдельные наблюдения над мифологической прозой писателя содержатся в работах В. Крейда, О. Седова, Е.В. Шалашова, Т.Н. Ворониной. Однако целостного анализа поэтики прозы писателя до сих пор нет.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами:

— выявление новых фактов личной и творческой биографии А.А. Кондратьева, введение в научный оборот архивных материалов,

писем и неопубликованных произведений писателя требуют пересмотра его места в литературной жизни эпохи и осмысления его художественной индивидуальности;

— вопрос о характере неомифологизма и целях мифотворчества писателя остается дискуссионным, а его решение — значимым для исследования художественного мира Кондратьева и выявления его базовых категорий.

Объектом диссертационного исследования является мифологическая проза Кондратьева.

Предмет исследования — мифопоэтические принципы прозы Кондратьева, особенности его неомифологизма.

Материалом диссертации стали два сборника — «Белый Козел. Мифологические рассказы» и «Улыбка Ашеры. Вторая книга рассказов», а также романы «Сатиресса», «На берегах Ярыни». Выбор материала определяется тем, что сборники рассказов составлены самим писателем и опубликованы в 1908-м и 1911 гг. соответственно. Романы изданы при жизни писателя и являются его последним авторским вариантом. Мы также включили в материал работы рассказ «Иксион», не входящий в указанные сборники и опубликованный в альманахе «Гриф» в 1904 г., поскольку его анализ позволяет провести сопоставление с мифологической драмой И. Анненского «Царь Иксион» (1902 г.).

Цель исследования — выявить особенности поэтики мифологической прозы А.А. Кондратьева.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) определить характер творческих взаимоотношений Кондратьева с современниками — И.Ф. Анненским, В.Я. Брюсовым, Вяч. Ивановым, А.А. Блоком — и их роль в становлении художественной индивидуальности писателя;

2) выявить своеобразие мифологизма Кондратьева в контексте неомифологизма русской литературы начала XX в.;

3) установить типологию жанра мифологического романа в творчестве Кондратьева;

4) рассмотреть природу ироники как базовой категории поэтики писателя;

5) проанализировать мифопоэтическую модель мира в прозе Кондратьева.

Методологической базой исследования являются концептуальные положения, выработанные литературоведением в области изу-

чения русской литературы конца XIX — начала XX в. (З.Г. Минц, Д.Е. Максимов, А. Ханзен-Леве, А. Пайман, Н.А. Богомолов, А.В. Лавров, Л.А. Колобаева и др.); в области мифопоэтики (Е.М. Мелетинский, О.М. Фрейденберг, А.Ф. Лосев, Я.Э. Голосовкер, В.Н. Топоров, С.С. Аверинцев, М. Элиаде, А. Голан, Р. Грейвс), теории романа (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Н.Т. Рымарь, Б.О. Корман, С.Н. Бройтман), фольклористики (В.Я. Пропп, С.Ю. Неклюдов, Э.В. Померанцева и пр.), а также работы, посвященные личности и творчеству А.А. Кондратьева (В.Н. Топоров, В. Крейд, Р.Д. Тиленчик, А.В. Лавров, Н.А. Богомолов, Е.М. Трубилова, Е.М. Васильев, М.М. Калиниченко, В.А. Смирнов, С.И. Кормилов, Е.В. Шалашов, Н.В. Шинкарова, Т.Н. Воронина).

Методы исследования обусловлены его целями и задачами. В работе применяется системное единство нескольких методов: сравнительно-типологического, выявляющего сходство и различие поэтических принципов Кондратьева с поэтикой символизма; мифопоэтического, позволяющего реконструировать мифологические представления, нашедшие отражение в прозе писателя; структурного, с помощью которого описывается повествовательная модель прозаических произведений Кондратьева.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается системный анализ особенностей поэтики мифологической прозы А.А. Кондратьева, жанровой модификации мифологического романа в творчестве Кондратьева; в научный оборот вводятся архивные материалы по творчеству писателя.

Теоретическая значимость исследования состоит в дальнейшем развитии теоретических знаний о категориях мифопоэтики, углублении представлений о мифологизме литературы и о жанровых особенностях мифологического романа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и выводы могут быть использованы в преподавании систематического курса русской литературы XX в., а также в спецкурсах и спецсеминарах по теоретическим проблемам мифопоэтики, истории литературы и творчеству А.А. Кондратьева. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке научных изданий произведений писателя.

Положения, выносимые на защиту:

1. Роль Кондратьева в историко-литературном процессе начала XX в. не является «вторичной» по отношению к его современникам, а предстает как равноправный диалог писателя с ведущими литераторами своего времени.

2. Мифологизм Кондратьева состоит не просто в «реставрации мифа», а в создании особого фантастического мира, в котором миф подается не как иллюзия, а как достоверная действительность.

3. Романы Кондратьева следует рассматривать как типологическое единство в соотношении их с волшебной сказкой.

4. Ирония у Кондратьева одновременно является формой переосмысления мифологического материала и формой авторского самовыражения. В этом случае ирония наделяется трагическим смыслом.

5. Мифопоэтическая модель вписывается в художественный мир Кондратьева, выполняя в нем миромоделирующую функцию.

Апробация работы. Концепция, основные идеи и результаты исследования обсуждались на международных конференциях «Литература в диалоге культур» (г. Ростов-на-Дону, 2004—2006), «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре» (г. Волгоград, 2006, 2009), «Шешуковские чтения “Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения”» (г. Москва, 2005), «Русское литературоведение в новом тысячелетии» (г. Москва, 2005), «Кондратьевские чтения» (г. Ровно, 2008, 2012). По теме диссертации изданы 11 статей, 3 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются актуальность исследования и степень научной разработанности темы, формулируются цели и задачи работы, представляются объект, предмет и методологическая основа диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту, указывается научная и практическая значимость диссертации, приводятся сведения о ее научной апробации. Обосновывается необходимость обращения к изучению поэтики мифологической прозы А.А. Кондратьева.

Первая глава «Личность и творчество А.А. Кондратьева в историко-литературном контексте» представляет собой анализ творческих взаимоотношений Кондратьева с ведущими литераторами своего времени — И.Ф. Анненским, Вяч. Ивановым, В.Я. Брюсовым, А.А. Блоком. Исследователи уже обращались к вопросу о взаимоотно-

шениях А.А. Кондратьева с современниками (Р. Тименчик, В. Топоров, В. Крейд, Н. Богомолов и др.). В основном они ограничивались фактами биографии и публикацией писем. Лишь в некоторых работах рассматривается вопрос о творческих связях писателя с его современниками (В. Топоров, Е. Васильев). Проблема места А.А. Кондратьева в литературной жизни эпохи, таким образом, остается актуальной. При выборе указанных имен мы руководствовались, с одной стороны, авторитетом перечисленных писателей в литературе рубежа веков, с другой — их значимостью в творческой судьбе писателя, их ролью в формировании и становлении А.А. Кондратьева-мифолога, что зафиксировано документами. Все они либо были адресатами писем Кондратьева, либо состояли с ним в переписке. Все они, кроме Вяч. Иванова, оставили отзывы о творчестве Кондратьева, но Вяч. Иванов состоял в полемике с Кондратьевым и теоретически обосновал значение мифа и мифотворчества в литературе, поэтому для нас отношения этих двух писателей представляют несомненный интерес.

Раздел 1.1 «*Античная мифология в диалоге А.А. Кондратьева и И.Ф. Анненского*» посвящен характеристике роли и места Анненского в творческой биографии Кондратьева. Известно, что И.Ф. Анненский в 1893—1896 гг. являлся директором 8-й петербургской гимназии, где обучался Кондратьев. Уроки греческого языка стали в буквальном смысле творческой лабораторией, в которой формировался талант будущего мифолога. Молодого Кондратьева, по собственному призванию, привлекали в И.Ф. Анненском глубокие познания в эллинской культуре, а также широта его познаний в современной литературе, в особенности французской. Именно под влиянием Анненского складывается круг интересов Кондратьева — мифология, античная и французская литература. Можно сказать, что И.Ф. Анненский определил на долгие годы «античный» характер мифотворчества А.А. Кондратьева.

Общность интересов учителя и ученика привела к обращению писателей к одним и тем же сюжетам. К числу таких творческих совпадений относятся следующие произведения: А.А. Кондратьев «Фамирид (Древнегреческий миф)» (1906) и И.Ф. Анненский «Фамира-кифарэд. Вакхическая драма» (1913); А.А. Кондратьев «Иксион (Древнегреческий миф)» (1904) и И.Ф. Анненский «Царь Иксион» (1902). Проведенный нами сопоставительный анализ указанных произведений продемонстрировал интерес обоих писателей к типу страдающего и самоутверждающегося героя, выработанный античной мифологией, хотя у Кондратьева этот герой не отягощен «гамлетовской» рефлексией, присущей героям Анненского.

Раздел 1.2 «В.Я. Брюсов — критик и рецензент мифотворчества А.А. Кондратьева» посвящен анализу взаимоотношений Кондратьева с лидером символистского движения В.Я. Брюсовым. Личному знакомству поэтов, состоявшемуся в 1906 г., предшествовал ряд критических отзывов с обеих сторон: рецензии Брюсова на альманах «Гриф» за 1904—1905 гг., в котором публиковался Кондратьев, и на авторский сборник «Стихи А.К.» (1905) и неопубликованная рецензия А.А. Кондратьева на брюсовский сборник «Stephanos» (1905). Отметим, что Брюсов был самым последовательным критиком творчества Кондратьева (он — автор большинства опубликованных рецензий на произведения писателя). Довольно сурово оценив первые мифотворческие опыты молодого поэта, Брюсов подметил врожденное чувство древней культуры, которое было присуще Кондратьеву.

Свидетельством признания таланта петербургского поэта и писателя со стороны Брюсова стало приглашение к сотрудничеству первоначально в журнале «Весь», а впоследствии — в «Русской мысли».

У обоих поэтов было много общего — от увлечения мифами и древними религиями до стремления к строгой научности в творческом процессе, что стало почвой для возникновения творческого диалога между ними. Подтверждением является указание Кондратьевым своего творчества как возможного источника вдохновения для В.Я. Брюсова. В качестве примера такого заочного диалога нами приведен кондратьевский рассказ «В пещере», который был напечатан в журнале «Перевал» за 1907 г. (№6) с посвящением В.Я. Брюсову. Мы впервые предприняли попытку выявить глубинные связи этого рассказа с творчеством Брюсова.

В разделе 1.3 «Литературно-философская полемика А.А. Кондратьева и Вяч. Иванова» рассматривается специфика взаимоотношений писателя с Вяч. Ивановым. По свидетельству современников, Кондратьев входил в число посетителей «Башни» Вяч. Иванова, хотя и не относился к постоянным участникам собраний.

Почвой схождения двух писателей был ряд общих вопросов: античная культура, славянская мифология, гностицизм. Кроме того, писателя привлекали эстетическая концепция теоретика символизма, его понимание мифотворчества как цели современного искусства. Несмотря на общность интересов, в своем общении с Ивановым Кондратьев стремился придерживаться независимой позиции, порой принимавшей, по его выражению, характер «бестактностей». Одной из таких «бестактностей» стало отстаивание Кондратьевым приоритета И.Ф. Анненско-

го в реконструкциях архаического прошлого греческой культуры. Кроме того, в работе мы касаемся других спорных моментов, приведших к открытой полемике между Кондратьевым и Ивановым, таких как «еврейский» вопрос в литературе и судьба русского символизма.

В творческом наследии Кондратьева, несомненно, присутствуют темы и идеи, развитые Вяч. Ивановым. Помимо упомянутой В.Н. Топоровым темы «связи Эроса и Танатоса», заимствованной из теоретических трудов Иванова, нами отмечается тема дионисийства и образ Диониса, имеющий концептуальное значение в авторской мифологии Кондратьева. Согласно нашим наблюдениям, тема дионисийства в доэмигрантском творчестве писателя раскрывается только в рамках мифологической традиции, зато в эмигрантский период она приобретает значение хаотического начала, что отсылает к работам Вяч. Иванова. Таким образом, влияние Иванова на художественные поиски писателя по-разному проявляется в различные периоды его творчества. Если в петербургский период Кондратьев в меньшей степени зависит от идей своего современника, то в ровенский период творчества писателя идеи Иванова находят отклик в авторской концепции бытия как Хаоса. Но для Кондратьева это скорее дань сложившимся обстоятельствам, нежели внутреннее принятие концепции своего оппонента.

Раздел 1.4 «Фольклорно-мифологические опыты А.А. Кондратьева и А.А. Блока» посвящен творческим и личным контактам двух современников. Знакомство Кондратьева с Блоком состоялось в стенах Санкт-Петербургского университета, где они оба приняли участие в публикации «Литературно-художественного сборника» (1903). С самого начала творческое самоопределение поэтов формируется на разных позициях и по-разному воспринимается в оценках и суждениях современников: Блок — символист, Кондратьев по своему настроению — продолжатель антологического направления в искусстве. Сближение Кондратьева с Блоком происходит на почве их участия в одних и тех же символистских изданиях, в первую очередь, в альманахе «Гриф» и журнале «Новый путь». Кроме того, оба они посещали «Кружок Молодых» на квартирах участников.

Пребывание поэтов в едином культурном пространстве способствовало обращению к сходным темам, мотивам и образам. Таким единым тематическим «резервуаром», обогатившим поэтическую мифологию обоих поэтов, стал фольклор. В своей работе мы оспариваем мнение В.Н. Топорова о «вторичности» фольклорно-демонологических опытов Кондратьева по сравнению с Блоком и утверждаем, что образы фольк-

лорной демонологии уже на раннем этапе включаются в систему образов Кондратьева (см. рассказ «Домовой» 1903 г.), а упомянутое Топоровым кондратьевское стихотворение «Болотные бесенята» (1908) как образец подражания Блоку является по сути пародией на блоковское стихотворение «Болотные чертенятки» (1905).

Вторая глава «Поэтика мифологической прозы А.А. Кондратьева» посвящена анализу своеобразия мифологической прозы писателя. Поскольку творческое самоопределение Кондратьева произошло при непосредственном общении с выдающимися представителями символизма и в кругу тех идей, которые рождались в лоне символистского движения, а сама идея мифотворчества реализовалась среди писателей-символистов, то нашей исследовательской стратегией становится рассмотрение мифологической прозы писателя в контексте поэтики символизма как ведущей художественной системы того периода. Для этого мы выделяем базовые категории, которые были бы едиными для двух систем. Это «неомифологизм», жанр «мифологического романа», «ирония».

В разделе 2.1 «Своеобразие неомифологизма в творчестве А.А. Кондратьева» рассматривается сущность кондратьевского мифологизма в контексте мифотворческих установок русской литературы начала XX в. Основной упрек, выдвигаемый современниками в адрес Кондратьева, заключался в академическом подходе поэта к мифу, антологическом по своему характеру. Сам писатель свой метод работы с мифом обозначил термином «реставрация мифа», что впоследствии дало основание В.Н. Топорову говорить о «реконструкции мифа» как целевой установке Кондратьева-мифолога. Мы же полагаем, что следует говорить о мифотворчестве писателя как способности формирования новых («авторских») мифов, где традиционный миф становится лишь отправной точкой для дальнейшего оригинального повествования.

Исследуя мифотворчество Кондратьева, мы впервые рассматриваем вопрос о влиянии мистики на произведения писателя (мистическое начало в поэзии Кондратьева отмечали В. Крейд, Ю. Милославский). В прозаическом творчестве автора есть тексты, в которых тема мистицизма заявлена напрямую — это рассказы «Тоскующий ангел», «Семь бесовок», «Царь Шедома». Мы полагаем, что именно в мистических рассказах Кондратьев проявился как мифотворец, начиная с индивидуальных образов-мифологем (к примеру, образ демонического женского существа) и заканчивая созданием собственного художественного мира как особой фантастической реальности, в которой действуют мифические существа, духи, призраки, вступающие в контакт с человеком.

В разделе 2.2 «Жанр мифологического романа в творчестве А.А. Кондратьева» речь идет о специфике мифологического романа в творчестве писателя. Прецедент самого жанра в русской литературе начала XX в. связан с поэтикой символизма. Опираясь на научно-исследовательские работы по теории жанра символистского «мифологического романа» (З.Г. Минц, Л. Силард, С.П. Ильев), мы выделили ряд параметров, позволивших провести разграничение между символистским «романом-мифом» и романами Кондратьева: роль мифологических структур, тема, соотношение истории и мифа, психологизм.

Дальнейший анализ специфики мифологического романа в творчестве писателя мы проводили, исходя из современных трактовок этого жанра, согласно которым миф является не только материалом, но и средством структурирования повествования, определяющим тип героя, систему персонажей, сюжетно-композиционную организацию, хроно-топ, субъектную структуру. Из перечисленных категорий мы остановились на типологии героя, сюжетной организации и типе повествования (субъектный уровень).

В подразделе 2.2.1 «Типология героя» мы проанализировали тип главного героя, действующего в обоих романах. Это необычные дети, связанные с миром сверхъестественного. Они либо вступают в контакт с фантастическими персонажами в начале своего жизненного пути (Антем из романа «Сатиресса»), либо изначально принадлежат к миру потустороннего (Аксютка из романа «На берегах Ярыни»). Отличительной способностью героев является их природная восприимчивость к тайным знаниям, что отделяет их от человеческого сообщества. Подобные характеристики напоминают героя волшебной сказки в том виде, как его описал Е.М. Мелетинский. Особенно явно трафарет героя волшебной сказки накладывается на образ Аксютки из романа «На берегах Ярыни». Во-первых, это героиня чудесного происхождения. Во-вторых, Аксютка — сирота. В-третьих, с ее образом связана нравственная проблематика романа.

В подразделе 2.2.2 «Сюжетно-композиционная организация» мы рассмотрели сюжетно-композиционное строение романов Кондратьева. Для романной прозы писателя характерна многоплановость действия, обусловленная изображением героев разноприродных сфер, которые взаимодействуют друг с другом, — люди, боги, нечисть. На наш взгляд, ощущению единства повествования способствуют мотивы, которые связывают планы между собой и определяют сюжетное движение в романах. Основным признаком этих мотивов является их архе-

типическая природа. Семантическим ядром авторских текстов является мотив столкновения человека со сверхъестественными существами. При этом развертывание указанного мотива в сюжетном плане может принимать разные формы в связи с мифологической традицией: любовные похождения или борьба; благоприятный или неблагоприятный исход конфликта. Мотив такого контакта в мифологических романах Кондратьева осложнен еще одной сюжетобразующей коллизией, связанной с мотивом пути, что ассоциируется в первую очередь с жанром сказки. В.Я. Пропп (1969) назвал странствование одной из основ композиции сказки. В результате мы опять вступаем в зону сравнения романов Кондратьева со сказкой, но уже на сюжетно-композиционном уровне. Показательно, что Кондратьев оформляет мотив пути своих героев в соответствии с фольклорной традицией, в которой путь отличается особой опасностью, обусловленной концентрацией злых сил. На сходство романов со сказкой указывает и сюжетная линия главных героев, которая развивается по схеме классической волшебной сказки: «недостача — ликвидация недостачи».

В подразделе 2.2.3 «Тип субъектной структуры» проанализирован тип повествования, присущий романам писателя. Рассмотрение субъектной структуры неотделимо от анализа категории автора. Теоретики символизма разработали свою концепцию автора: «автор-демиург» (Брюсов) и «автор-теург» (Иванов). Исходя из разных творческих установок, разные типы авторов по-разному выстраивали отношения с создаваемым текстом. Это обусловило появление в неомифологическом направлении литературы начала XX в. либо «одноголосых», либо «полифонических» текстов (З.Г. Минц). Для мифологических романов Кондратьева характерно обыгрывание позиции автора по отношению к тексту: с одной стороны, как созданному, с другой — как транслируемому, а сама повествовательная ситуация разворачивается в диалоговом поле между «своим» (авторским) и «чужим» словом, представленным в виде коллективного сознания.

Характерной формой актуализации авторского голоса в романах Кондратьева становится комментирование. Комментируя излагаемые события, повествователь как бы вступает в условный диалог со сложившейся точкой зрения «чужого» сознания, которая включена в романский мир автора. Это свидетельствует об определенной игровой позиции автора, заключающейся в диалогических отношениях между «своим» и «чужим» словами. Автор ссылается на общепринятые суждения и в то же время разоблачает их как не соответствующие «дей-

ствительности», при этом он не нарушает ощущения реальности этого мира, наоборот, как бы помещается внутрь его, становится в нем своим. Можно сказать, что повествователь выступает, скорее, как наблюдатель, не вмешиваясь в происходящее, а лишь комментируя его. Подобная включенность повествователя в условный мир роднит романы Кондратьева со сказкой.

В разделе 2.3 «Ирония в мифологической прозе А.А. Кондратьева» мы обращаемся к анализу природы иронии в творчестве писателя. Формой проявления иронии становится смех. Он как универсальное начало пронизывает всю пространственно-временную систему художественного мира писателя. Особый интерес с точки зрения преломления мифологических представлений в творчестве писателя вызывает категория «загробного смеха». В целом объединение смеха и смерти является доминантой авторского мифа Кондратьева.

Интерпретация античного мифа сквозь призму смеха роднит мифотворчество писателя с традицией травестирования. В соответствии с ней писатель сводит олимпийцев с божественных подмостков, вовлекая их в жизнь чувствований, страстей, желаний. Все в произведениях Кондратьева готово обернуться фарсом, в том числе соперничество между богами и людьми.

К формам проявления смеха в прозе писателя можно отнести улыбку, которая является символом женской сущности. С улыбкой на устах Кондратьев изображает Афродиту («Афродита-заступница», «Слезы Селемна»), Северную Аврору («Лебеди Аполлона»), Ашеру («Улыбка Ашеры»), неизвестную Богиню («На неведомом острове»), женский демонический дух («Семь бесовок»). Как тайна, загадка, улыбка обладает трансцендентальным значением, являясь и символом самой Судьбы.

Согласно концепции Кондратьева-мифолога, Судьба властвует не только над человеком, но и над богами. Отсюда следует важная для концепции писателя идея, что каждый герой человеческого или сверхъестественного происхождения подчиняется закону всеобщего и необходимого. Реакцией на такой порядок мироустройства может быть или смех, или страх.

Смех и страх определяют характер действующих лиц в произведениях Кондратьева: близость к демоническому выражается в смехе, отторжение от мира зла проявляется в страхе. Панический ужас и дьявольский смех обнаруживают подлинную сущность трагического мира Кондратьева, в котором нет ничего незыблемого и устоявшегося. Ирония А.А. Кондратьева имеет трагический характер.

Третья глава «Мифопоэтическая модель художественного мира А.А. Кондратьева: мифопоэтическая модель» посвящена описанию художественного мира Кондратьева по координатам мифопоэтической модели. Учитывая конституирующую роль мифа в литературе начала XX в. с ее осознанной ориентацией на поэтику мифа и обряда, мы анализируем доминирующие категории художественного мира писателя: пространство, время, образы в связи с отражением в них мифопоэтических представлений.

Раздел 3.1 *«Мифопоэтическое пространство»* посвящен характеристике пространства в мифопоэтическом творчестве Кондратьева. Мы выделили два вида пространства, фигурирующие в прозе писателя: природное и культурное. В структурном отношении эти пространства моделируются с помощью семантических оппозиций, выработанных архаичным мифологическим сознанием: «открытый—закрытый», «внутренний—внешний», «свое—чужое» и др.

Как и пространство мифа, художественное пространство Кондратьева неоднородно по своей структуре, представляя соотношение сакрального и профанного. К сакральному относится весь природный топос, где человек может встретиться с проявлением чудесного.

Особую роль в авторской мифологии писателя играет «инфернальное пространство», в понятие которого входят топосы, занимаемые мифологическими персонажами демонического характера и определяемые в народной культуре как нечистые, — омут, болото, перекресток и т.д.

В разделе 3.2 *«Мифопоэтическое время»* исследуется проблема времени в художественном мире Кондратьева с точки зрения мифопоэтической традиции. Ядро временной модели мифологической прозы писателя формируется соотношением двух темпоральных фаз — «тогда» и «теперь», условно соотносимых с прошлым и настоящим. Отправной точкой временной системы поэтического мира Кондратьева является условное «настоящее», в которое входит «прошлое» как особое поле измерения, своего рода портал. Поэтому призраки из «прошлого» могут предстать перед героем в любой момент и в любом месте. Важную роль в актуализации этой временной «синхронии» выполняет категория обрядового времени, связующего прошлое с настоящим.

Согласно мифологическим представлениям, время имеет положительное и отрицательное значения. В мифопоэтической прозе писателя время тоже четко дифференцировано.

Как и в мифе, время в художественном мире Кондратьева условно. Отсутствие обозначения временных рамок актуализирует понятие

Вечности, чему способствует циклическая концепция времени, которая характерна для творческого восприятия писателя в целом. Но при этом не исключается идея о подвижности Времени как цепи неотвратимых событий. Кондратьеву важно показать необратимую деградацию мира как постепенный процесс ослабления и вырождения богов. Единственной силой, способной противостоять разрушительному действию времени, оказывается память.

В разделе 3.3 *«Образы-мифологемы в творчестве Кондратьева»* исследуются мифологические образы Кондратьева. Мы выделили два таких образа, характерных для мифопоэтического творчества писателя, — образ «героя» и образ «богини». Причем если образ «богини» уже затрагивался в ряде работ (В.А. Смирнов, Н.В. Шинкарова), то образ «героя» нами выделен впервые и проанализирован в контексте авторской мифологии писателя.

В подразделе 3.3.1 *«Образ героя»* речь идет о героях, известных нам по древним мифам, — Орфей, Пирифой, Тезей, Флегий, Фамирид, Селемн. В создании образа героя Кондратьев использует архаические представления. Во-первых, это мотив предопределенности и Судьбы, во-вторых, мотив связи героя с подземным миром, в-третьих, мотив подвига героя, в-четвертых, герои Кондратьева, как классические герои мифа, являются персонификацией всего человечества. Образ героя в мифологической прозе писателя сопряжен с мотивом страдания, что подтверждается его интересом к образам классических героев-страдальцев: Селемн, Пирифой, Орфей, Фамирид. Но в отличие от мифа, равнодушного к чувствам такого героя, переживания кондратьевских персонажей даны развернуто, благодаря чему индивидуализируются их образы. Несмотря на это, Кондратьев при обрисовке характеров героев во многом следует мифологической парадигме, сохраняя основную интригу мифа — конфликт между людьми и богами.

В то же время отчетливо прослеживается тенденция отхода Кондратьева от некоторых существенных мифологических признаков образа героя. Во-первых, это активность героя. Мифологический герой находится все время в движении, а бесчисленное количество его деяний-подвигов стало содержанием большинства мифов. В художественном мире Кондратьева герой находится за пределами свой традиционной активности, к примеру, бездействуют в Аиде Пирифой с Тесеем; Орфей только предается воспоминаниям о своем спуске в царство Аида за Эвридикой. Изывая героя из его привычной деятельной среды, автор фокусирует внимание на переживаниях героя, его эмоциональном состоянии.

Во-вторых, это изначальное превосходство героя. В отличие от мифа герои Кондратьева лишены чудесных способностей, при этом автор идет еще дальше, ставя под сомнение и божественное происхождение героя (Геракл в рассказе «Фамирид»). Таким образом, из богоподобного героя он становится человекоподобным во всех проявлениях.

В подразделе 3.3.2 «Образ богини» речь идет об архетипе женских образов, действующих в мифологической прозе Кондратьева. В историко-генетическом аспекте многоликие образы кондратьевских богинь представляют собой образ Великой богини. Образ богини амбивалентен — она была подательницей плодородия и разрушительницей, способствовала деторождению и патронировала вооруженные действия. Стихийность и необузданность нрава Великой богини отразились в оргиастическом характере ее культа. В классической мифологии наиболее ярким воплощением сексуальности является образ Афродиты. образу «пенорожденной» Кондратьев отдал дань не только в творчестве, но и в своем жизненном увлечении — коллекционировании открыток с изображением богини. Интерес писателя к образу Афродиты был созвучен духу времени, выражением которого стала идея символистского панэстетизма. Переосмысленный в терминах символистской мифопоэтики, образ Афродиты запечатлевал принцип космической гармонии, дополненный христианскими коннотациями.

Мифопоэтическое сознание Кондратьева во многом было конгениально архаическому восприятию Афродиты как вселенской силы любви, управляющей законами космоса, что позволяет сближать ее образ с представлениями о богине-матери.

Благословляющий, умиротворенный характер Афродиты в мифологической прозе писателя дополняется экстагическим нравом ее восточно-средиземноморских коррелятов — Астарты, Ашеры, Ашторет. Такое совмещение вновь актуализирует образ Великой богини, олицетворявшей собой не только рождение, но и смерть.

Однако возведение мифологемы Афродита—Астарта—Ашера—Артемиды лишь к одному образу-архетипу Великой богини не дает полноценной картины восприятия образа богини в кондратьевском дискурсе. Необходимо учитывать историко-литературный контекст, в данном случае — учение В. Соловьева о Вечной Женственности и ее воплощениях. Судя по творчеству Кондратьева-мифолога, опорным пунктом для него было воплощение Вечной Женственности в земной природе, что односторонне развивало концепцию философа. Но мы не можем отрицать самого факта влияния соловьевской мифологии на взгляды

писателя. Доказательством этого может служить рассказ «В объятиях тумана», представляющий собой оригинальное переложение сюжета о пленении Души Мира (в кондратьевском изложении — Афродиты) Хаосом (богом ночного тумана Ээрием).

В **заключении** диссертации сформулированы основные выводы по проделанной работе.

1. А.А. Кондратьев занимал независимую позицию в историко-литературном процессе своего времени. Мы проанализировали характер творческих взаимоотношений Кондратьева с современниками. При этом особое внимание уделено проблеме восприятия мифопоэтического творчества писателя. Анализ показал, что Кондратьев хотя и находился под влиянием идей своих авторитетных коллег, но воспринимал их критически, соизмеряя их взгляды со своими интересами. И.Ф. Анненский определил «античный тон» кондратьевского мифотворчества, В.Я. Брюсов повлиял на способы прочтения писателем мифического наследия, требующие научного подхода к изучению мифов, а также на точность в переложении их содержания на поэтический язык, Вяч. Иванов привлек теорией значимости мифа для современной литературы и концепцией дионисийства, которую Кондратьев воспринял критически, а А.А. Блок был близок Кондратьеву своим восприятием мифа через фольклор.

2. Художественная манера писателя отличается оригинальностью. Мы предприняли анализ поэтики мифологической прозы писателя. С учетом хронологической и организационной связи А.А. Кондратьева с символизмом мы выделили те категории, которые позволили провести сопоставительный анализ индивидуальной поэтической системы автора с поэтикой символизма. Это категории неомифологизма, жанра мифологического романа и иронии. Анализ показал, что мифологизм А.А. Кондратьева в общей картине неомифологического движения литературы начала XX в. характеризуется особой авторской позицией, отличающей его от художественной практики как «старших», так и «младших» символистов. Долгое время в исследовательской литературе о писателе сохранялось определение «реставрация мифа». По нашему мнению, мифотворчество А.А. Кондратьева состоит в создании особого фантастического мира.

Связь с фантастическим дискурсом очевидна при анализе жанра «мифологического романа», поэтика которого ориентирована на волшебную сказку. Так, в обоих романах писателя, рассмотренных нами в системном единстве, действуют один тип героя, одна схема сюжетно-

композиционного строения, один тип субъектной структуры, связанный с опорой на «чужое» слово и нивелированием позиции автора-демиурга, благодаря чему возникает ассоциация с мифофольклорной традицией.

Фантастический мир, созданный Кондратьевым, дополняется включением иронии в модальность авторского письма, что сближает поэтику мифологической прозы Кондратьева с поэтикой символизма; ирония приобретает у Кондратьева трагический характер.

3. Миф выполняет миромоделирующую функцию в художественном мире писателя. Мы ввели в свое исследование категорию «мифопоэтическая модель мира» и проанализировали содержание указанной модели по следующим параметрам: мифопоэтическое пространство, мифопоэтическое время, образы-мифологемы — и установили, что:

- пространство в прозе А.А. Кондратьева организуется с помощью семантических оппозиций, выработанных еще архаичским мифологическим мышлением: «свое—чужое», «открытый—закрытый», «сакральный—профанический». Кроме того, оно неразрывно связано с героем, определяя его характер и модель поведения, что соответствует мифопоэтической традиции;

- категория времени в художественном мире автора сопоставима с мифопоэтической моделью, в основе которой лежит представление о неравнозначности временных промежутков. Свою концепцию времени Кондратьев строит на соотношении двух темпоральных фаз: «тогда—теперь»;

- мифологический образный ряд в мифопоэтической прозе писателя представлен образами «героя» и «богини». Кондратьев во многом следует архетипической модели этих образов, воссоздавая черты «прообразов», но по-своему интерпретируя их в соответствии с историко-культурным контекстом своего времени;

- концепция мифопоэтической модели мира в ее базовых категориях (пространство, время, образы-мифологемы) является основой для рассмотрения разновременных и разножанровых текстов как единого «кросс-темпорального» и «кросс-жанрового» текста (термин В.Н. Топорова) мифологической прозы писателя.

Нам видятся следующие перспективы исследования:

— дальнейшее изучение творческого диалога Кондратьева с современниками. Так, интересным представляется углубленный анализ творческих взаимоотношений Кондратьева с А. Белым, Ф.К. Сологубом и др.;

— продолжение исследования мистических мотивов мифологической прозы писателя;

— анализ новых аспектов поэтики мифологической прозы Кондратьева: принципа циклизации прозаических произведений, поэтики «авторской маски»;

— дальнейшее соотношение прозы Кондратьева с мифопоэтическими представлениями, к примеру, исследование «языка стихий» в произведениях автора.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых журналах,
рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ*

1. Пивоварова, И.А. К вопросу о мифотворчестве А.А. Кондратьева / И.А. Пивоварова // Научная мысль Кавказа. Приложение. — 2006. — № 13. — С. 426—433.

2. Пивоварова, И.А. Мифопоэтическое пространство в художественном мире прозы А.А. Кондратьева / И.А. Пивоварова // Изв. Юж. фед. ун-та. Филологические науки. — 2012. — № 1. — С. 34—40.

3. Пивоварова, И.А. Особенности жанра мифологического романа в творчестве А.А. Кондратьева / И.А. Пивоварова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2012. — № 11(75). — С. 138—141.

*Статьи в сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

4. Пивоварова, И.А. Своеобразие образной системы ранних произведений А. Кондратьева / И.А. Пивоварова // Литература в диалоге культур-2: материалы Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 2004 г.). — Ростов н/Д.: РГУ, 2004. — С. 55—59.

5. Пивоварова, И.А. Своеобразие времени в ранней прозе А.А. Кондратьева / И.А. Пивоварова // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения: материалы X Шешуковских чтений: в 2 ч. — М.: Литера, 2005. — Ч. 2. — С. 530—532.

6. Пивоварова, И.А. Фольклорные истоки художественного времени демонологического романа А. Кондратьева «На берегах Ярыни» / И.А. Пивоварова // Русское литературоведение в новом тысячелетии: материалы IV Междунар. конф.: в 2 т. — М.: «Таганка», 2005. — Т. 2. — С. 382—385.

7. Пивоварова, И.А. Дионисийская традиция в прозаическом творчестве А. Кондратьева / И.А. Пивоварова // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова: сб. науч. ст. к 60-летию А.М. Бу-

ланова / ред.: А.Н. Долгенко и др. — Волгоград: Панорама, 2005. — С. 277—279.

8. Пивоварова, И.А. Травестийная традиция в прозаическом творчестве А.А. Кондратьева / И.А. Пивоварова // Литература в диалоге культур-3: материалы Междунар. науч. конф. — Ростов н/Д.: РГУ, 2005. — С. 218—221.

9. Пивоварова, И.А. Тургеневские традиции в неомифологической прозе А.А. Кондратьева / И.А. Пивоварова // Литература в диалоге культур-4: материалы Междунар. науч. конф. — Ростов н/Д.: РГУ, 2006. — С. 282—285.

10. Пивоварова, И.А. Архетип образов богинь в творчестве А.А. Кондратьева / И.А. Пивоварова // Александр Кондратьев: исследования, материалы, публикации / отв. ред. Е.М. Васильев. — Рівне: Волинські обереги, 2008. — С. 40—44.

11. Пивоварова, И.А. А.А. Кондратьев и историко-литературный контекст начала XX века / И.А. Пивоварова // Проблемы ума и сердца в современной филологической науке: сб. науч. ст. по итогам V Междунар. науч. конф. «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре». Волгоград, 26—28 окт. 2009 г. / отв. ред. Е.Ф. Манаенкова. — Волгоград: Перемена, 2010. — С. 130—134.

ПИВОВАРОВА Илона Анатольевна

ПОЭТИКА МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ А.А. КОНДРАТЬЕВА

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 30.10.13. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ

Издательство ВГСПУ «Перемена»
Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27